

Ислам, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750018779-8

Оригинальная статья / Original article

Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период второй: 2016-2021*

© Пономарев И.В.^a, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8848-3750; ilia.ponomarev@gmail.com

Резюме. Второй рассматриваемый период охарактеризовался несколькими отличительными чертами: консолидация и экспансия новых вооруженных альянсов (ДНИМ и ИГБС); становление широкого социального движения сопротивления; усиление террористической активности, меж- и внутриобщинных столкновений.

Конфликты охватили области Буркина Фасо, Мали и Нигера, которые населены преимущественно этническими фульбе, страдающими продолжительное время от социальной маргинализации. Пытаясь сдержать нарастающую дестабилизацию обстановки, все три государства Центрального Сахеля резко усилили превентивные меры, быстро переросшие в репрессивные по отношению к мирному населению - особенно фульбе-скотоводов. Это повлекло за собой обострение межэтнических отношений и рост антиправительственных настроений, что сильно облегчило альянсам ДНИМ и ИГБС набор рекрутов.

В отличие от предыдущего периода, новые альянсы имеют большую поддержку со стороны широких слоев населения и более укоренены в локальных кланово-кастовых структурах. Уже несколько лет они эффективно осуществляют регулирование землепользования и водных ресурсов, разрешают коммунальные споры и защищают от коррумпированных госслужащих и бандитизма те сельские и скотоводческие общины, которые встают под их протекцию.

Сложившаяся ситуация, ее истоки и движущие силы далеки от той концепции «общего врага» в рамках «войны с террором», на которой до сих пор базировались как многие научные исследования, так и международное право, - они требуют поиска новых, более гибких подходов.

Ключевые слова: вооруженные альянсы, ДНИМ, ИГБС, движение сопротивления, фульбе, кланово-кастовые структуры, Нигер, Мали, Буркина Фасо

Для цитирования: Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период второй: 2016-2021. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 47-55. DOI: 10.31857/S032150750018779-8

Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The second stage: 2016-2021

© Ilia V. Ponomarev^a, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8848-3750; ilia.ponomarev@gmail.com

Abstract. Several distinctive points characterize the second stage under analyses: the expansion of new armed alliances - Jamā'at Nuṣrat al Islām wal Muslimīn (JNIM) and Islamic State of the Greater Sahara (ISGS); the rise of resistance movement; the growth of inter- and intra-communal tensions.

Conflicts embraced the regions of Central Mali, Niger and Burkina Faso, populated predominantly by ethnic Fulani. Armed jihadi groups spread alarmingly in the northern border zones of Benin, Côte d'Ivoire and Western Nigeria. Trying to stop destabilization, Mali, Niger and Burkina Faso harshly and unduly pressed local population (predominantly the cattle-breeder Fulani) instead of mounting preventive measures.

Indiscriminating state military campaigns further provoked radicalisation of ethno-militias aggravating struggle for meager resources, retaliatory actions and ethnic cleansing. The net result of the government's policies has been inflation of its legitimacy in the Fulani populated regions of Mali, Niger and Burkina Faso. It became the best situation for JNIM and ISGS to recruit.

In contrast with the previous stage, JNIM and ISGS are deeply rooted in local clan-cast structures and enjoy more support from wider population. For some years they have effectively managed access to pastures and water resources, resolve communal disputes and protect willing pastoralists, hunters, traders and peasants from bandits and corrupt state officials.

Drivers and deep causes of the situation cannot be explained from the perspective of 'common enemy' in the 'war on terror' - implicit impetus of many anti-terror studies and related international laws, both in dire need of reevaluation.

Keywords: armed alliances, JNIM, ISGS, resistance movement, Fulani, clan-cast structures, Niger, Mali, Burkina Faso

* Окончание. Начало см.: Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период первый: 2007-2015. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 11, с. 39-45. DOI: 10.31857/S032150750017391-2

For citation: Ponomarev I.V. Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The second stage: 2016-2021. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 47-55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018779-8

ВВЕДЕНИЕ

В условиях массированного международного вмешательства во внутренние дела Республики Мали вооруженные группировки, за которыми в научной литературе закрепилось название «джихадистских», стали искать новых путей адаптации. Во втором условно выделяемом нами периоде широким социальным движением сопротивления оказались охвачены обширные области Нигера, Мали и Буркина Фасо, населенные преимущественно скотоводами-фульбе¹. С этими факторами связано возникновение новых вооруженных альянсов, которые уже активно проникают в северные районы Кот-д'Ивуара и Бенина, западную и центральную часть пограничной зоны между Нигером и Нигерией.

Большинство исследователей единодушны в том, что новые альянсы и конфликты в Центральном Сахеле носят гибридный характер - традиционные термины и дефиниции только затемняют его понимание (см., напр.: [1; 2; 3]). Нарастающая конфронтация уже не сводима к экстремистской деятельности отдельных вооруженных группировок - ее можно охарактеризовать как гражданскую войну, настолько глубоки породившие ее социально-экономические и этноконфессиональные причины.

Данная статья посвящена изучению возникновения и деятельности двух альянсов: «Движение защиты ислама и мусульман» (ДНИМ) и «Исламское государство в Большой Сахаре» (ИГБС)². В них вошли группировки как проанализированные нами в первой статье (см. [15]), так и новые, что ставит задачу выявить и сопоставить причины появления как самих альянсов, так и новых группировок. Вторая часть исследования опирается на альтернативный ряд источников и научных работ, однако методологический подход к контртеррористической проблематике, сформулированный в первой части, сохраняет свою релевантность.

КАТИБА «МАСИНА»: ДЖИХАДИЗМ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ?

Первое упоминание о катибе³ «Масина» появилось 18 мая 2016 г. в интернет-релизе «Ансар ад-Дин», хотя ее комбатанты неоднократно заявляли о себе акциями и листовками с начала 2015 г. [4, pp. 11, 13; 5, pp. 52-56; 2, p. 9]. В социальных форумах (*Facebook* и др.) и в СМИ группировка именовалась также «Фронт освобождения Масины», однако сами повстанцы это название не используют [6, p. 3; 4, pp. 11-12; 5, p. 28].

Основным местом дислокации катибы «Масина» изначально являлась центральная часть области Мопти - историческая Масина, населенная, в основном, этническими фульбе [6, pp. 3-4; 7, pp. 72-73]. Однако повстанцы использовали и разреженный саванный лесной массив «Вагаду», расположенный на самом севере соседней области Сегу на границе с Мавританией [4, p. 13; 8, pp. 1, 10].

Идеологом и бесспорным лидером «Масины» стал шейх Хаммадун Куффа - малиец Амаду Аль-Хасан Сангаре-Барри (р. 1961), давно поддерживавший тесные контакты с лидером «Ансар ад-Дин» Ийадом аг Гали. Будучи уже признанным знатоком Корана среди фульбе, Х.Куффа приобрел политическую популярность проповедями против коррупции и nepотизма на местном радио, широко расходившимися в аудиозаписях [4, pp. 10-11; 5, pp. 30-33; 9, pp. 150-154].

Причины движения сопротивления фульбе, которое возглавил Х.Куффа, лежат глубоко в истории Мали, их необходимо отличать от более поздних факторов - особенно джихадистской риторики.

В области Мопти река Нигер разделяется на несколько рукавов и каналов, заливные луга которых богаты бургу⁴ - основным кормом для крупного рогатого скота [10, pp. 8-10; 2, p. 7]. Эти плодородные земли со времен эмирата Масина⁵ находятся в руках элиты фульбе - за доступ к ним фульбе-седобе платили символическую дань [12, pp. 3-5; 2, pp. 7-8; 10, pp. 11-12]. За последние три десятилетия возможности выпаса скота резко сократились из-за расширения площадей для выращивания риса и других агрикультур: в этих условиях элита фульбе стала взимать со скотоводов все увеличивающиеся поборы [12, pp. 2, 4; 10, pp. 20-21; 2, pp. 8, 15].

Основанная на традиционном обычае система землевладения, сохранившаяся до наших дней, находится в сильном противоречии с национальным законодательством [10, pp. 13-15, 21-22; 13, pp. 10-13; 9,

¹ Ед. ч. пуло - откуда их фр. этноним пёль. (прим. авт.).

² Аббревиатуры даются в соответствии с принятыми в документах ООН.

³ Термин «катиба» (араб. - батальон) отсылает к структурной организации АКИМ.

⁴ Бургу (яз. фульфульде) - вид растений рода ежовник (*echinochloa stagnina*), который растет на затопляемых водой землях.

⁵ Эмират Масина (Дина) просуществовал недолго (1818-1862), т.к. был уничтожен другим автохтонным движением джихада фульбе (см.: [11, с. 48-55]).

pp. 163-165]. В 1990-е гг. в стране была начата под давлением западных стран демократизация и территориально-политическая децентрализация, вызвавшая не только многочисленные конфликты из-за землепользования, но и породившая повсеместную коррупцию в судах и администрации [14, р. 20; 12, pp. 6-8; 10, pp. 16-19].

По этим причинам в своих проповедях Х.Куффа особенно настойчиво выступает против «навязанного извне политического порядка» [7, р. 74], «реколонизации Мали белыми» и «коррупцированной судебной системы» [2, pp. 10-14], но также - землевладельческой элиты фульбе (особенно из клана *вуварбе*), занявшей важные позиции в местной администрации [4, р. 15; 5, pp. 35-36; 12, pp. 5-9].

Помимо этих катализаторов движения сопротивления фульбе, не менее существенную роль сыграли события последних лет.

С 2013 г. малийские военные (а среди них преобладают этнические *бамбара*, но есть и *догоны*) оказывают сильное давление на тех скотоводов-фульбе, которые подозреваются в сотрудничестве с «джихадистами»: массовые аресты, пытки, убийства, экспроприации скота [4, pp. 8, 20; 5, pp. 40-43]⁶. При этом малийская армия, как правило, встает на сторону групп этномилиции *догонов* и *бамбара* при их столкновениях с отрядами самообороны фульбе, жертвами которых за последние годы стали несколько сотен человек [6, pp. 3, 6; 14, pp. 19-20; 10, pp. 25-28]⁷.

В Центральном Мали земледельцы и охотники *бамбара* и *догоны* нередко проживают рядом с фульбе: их способы жизнеобеспечения веками дополняли друг друга и в одной деревне можно встретить смешанные браки [8, pp. 3-8; 3, р. 24]. Однако из-за резкого демографического роста конкуренция между ними за земли в последние десятилетия не раз оборачивалась кровавыми драмами [6, pp. 3-4; 8, р. 11; 2, pp. 14-15; 9, pp. 165-166]. Особенно большим количеством жертв отличаются действия этномилиции догонов «*Дана Амбасагу*»⁸ [8, pp. 11-15; 9, pp. 176-178].

Когда в 2012 г. МУДЖАО (Движение за единобожие и джихад в Западной Африке) заняло восточную часть области Мопти (район Дуэнца), то местные фульбе-скотоводы встали под его протекцию, чтобы защитить себя как от *догонов*, так и от туарегов НДОА (Национальное движение освобождения Азавада)⁹, разграблявших их стада [4, pp. 7-9; 13, р. 13]. Прошедшие в МУДЖАО боевую подготовку фульбе после его распада взяли на себя функцию защиты своих братьев - именно они стали боевым ядром катибы «*Масина*» [9, pp. 157, 170-171; 2, pp. 12, 15; 16, р. 4].

Все эти факторы позволили Х.Куффе привлечь на свою сторону большую часть фульбе из кланово-кастовой структуры *седобе*, но также отдельные группы фульбе *толебе* и *джелгобе* (см. о них ниже) [4, р. 13; 5, pp. 38, 45; 8, pp. 10-11]. Уже в 2016 г. малийцы, побывавшие в рядах катибы «*Масина*», свидетельствовали: «я присоединился к группировке Хаммадуна Куффы, чтобы защитить себя от бамбара; если ты ее член, никто не смеет тебя трогать»; «с тех пор как государство нас оставило, мы защищаемся так, как можем»; «я потерял мой участок земли по суду, потому что у меня не было денег, чтобы заплатить судье; правосудие здесь коррумпировано» [17, pp. 5-6].

Чтобы уменьшить меж- и внутриобщинные трения, люди Х.Куффы взяли в свои руки регулирование порядка пользования водными и земельными ресурсами: особенно разрешение споров о традиционных правах и налогах между землевладельцами (элитой фульбе, догонами, бамбара) и скотоводами-фульбе. Эти функции осуществляют уже в течение нескольких лет суды улемов, действующие при поддержке автономных вооруженных отрядов, каждый из которых имеет свой центр (араб. *марказ*) в лесных и малодоступных районах Мопти [6, pp. 5, 19; 10, pp. 35-37; 7, р. 76]. Отменив госналоги, повстанцы собирают в денежной или натуральной форме «*закят*», но при этом существенно помогают бедным общинникам и защищают их от бандитизма, повсеместно распространившегося в последние годы [6, р. 13; 7, pp. 78-79; 10, pp. 30-34].

Чтобы установить новый порядок катибе «*Масина*» понадобилось отстранить или физически уничтожить тех глав сельских общин и марабутов¹⁰, которые не хотели ему подчиниться [7, р. 74; 9, pp. 161, 173; 10, р. 40]. Однако прежде чем прибегнуть к репрессиям, люди Х.Куффы требовали от них прекратить сотрудничество с властями, а когда начальная острая фаза установления контроля была пройдена, повстанцы смогли найти взаимопонимание с элитой фульбе [7, pp. 75, 79; 2, pp. 11-12; 12, р. 6].

Все дело в том, что налогообложение и правосудие, установленные людьми Х.Куффы, оказались более приемлемы, чем нерегулируемые поборы коррумпированных госчиновников и элиты фульбе [5, pp. 36-38;

⁶ In Central Mali, civilian populations are caught between terrorism and counterterrorism. Paris & Bamako: FIDH & AMDH, 2018.

⁷ "We used to be brothers". Self-defense group abuses in Central Mali. New York: HRW, 2018.

⁸ С языка догонов выражение «дан на амба сагу» можно перевести примерно как «охотники, верящие в бога».

⁹ Подробнее о МУДЖАО и НДОА см.: [15].

¹⁰ В Центральном Сахеле марабуты (имамы, улемы и знатоки Корана) играют важную роль в расстановке политических сил, особенно - на локальном уровне.

7, p. 78; 9, p. 180]. Это привлекло на сторону «Масины» поддержку со стороны широких слоев населения даже вне зависимости от этнического и конфессионального факторов [6, p. 13; 8, p. 17; 18, p. 25].

Постепенно влияние катибы «Масина» распространилось от границы с Мавританией до Буркина Фасо и отчасти Кот-д'Ивуара.

«АНАСАР-УЛЬ ИСЛАМ»: В ОРБИТЕ КАТИБЫ «МАСИНА»

Известия о группировке «Ансар-уль ислам» появилась в СМИ после нападения 16 декабря 2016 г. на военный пост в Насумбу, расположенный в 30 км от границы с Мали: 12 солдат погибло [19, p. 4; 20, pp. 11-12]. Ее лидер - марабут Ибрагим Бурейма Дико (этнический фульбе) был хорошо известен в Буркина Фасо своими салафитскими проповедями на радио и в мечетях [19, p. 3; 9, pp. 216-218]. Идеологически сплоченным ядром группировки стали моджахеды-фульбе из кланово-кастовой структуры *джелгобе*, уже имевшие военный опыт [4, p. 13; 3, pp. 35-38].

Активность «Ансар-уль ислам» в основном сконцентрирована вдоль границы с Мали и Нигером в буркинийской области «Сахель» - в XIX в. здесь были созданы в результате джихада фульбе три эмирата: Джелгоджи, Липтако и Йарга [19, pp. 1-2]. Финансовую и техническую поддержку группировке оказала катиба «Масина», поэтому некоторые опорные пункты «Ансар-уль ислам» находились в районе Гурмы (Мали) [20, pp. 12-13]. После гибели или тяжелого ранения И.Дико в апреле 2017 г. - в результате совместной операции буркинийских и французских сил - группировку возглавил его брат Джафар, пошедший на дальнейшее сближение с Х.Куффой [19, p. 4; 20, p. 11; 21, p. 2].

Начиная с 2016 г. армия и спецслужбы Буркина Фасо оказывают излишне жесткий нажим на этнических фульбе по одному только подозрению в сотрудничестве с «джихадистами»: повальные аресты, расправы, экспроприации скота [20, pp. 20-22; 3, p. 36]¹¹. Положение усугубили действия этномилиции «Когльвеого»¹², которая так же, как малийская «Дана Амбасагу», является не пирамидальной (руководимой из одного центра), а сеточной структурой, состоящей из многочисленных, но небольших вооруженных отрядов, формируемых для самозащиты по *ad hoc* принципу в отдельных сельских общинах [19, pp. 12-13; 20, pp. 8-9; 9, pp. 229-231].

Большинство отрядов «Когльвеого» состоят из *моси* - основной этнической группы страны, лучше других представленной в ее административных структурах [20, pp. 7, 10; 3, p. 25; 19, p. 2]. Действия этномилиции и силовых структур подрывают у общин фульбе доверие к государству и уже подтолкнули многих из них искать защиты у повстанцев или присоединиться к ним [22, pp. 7-9; 20, pp. 21-23]. Неудивительно, что «Ансар-уль ислам» отвечают террором на террор, уничтожая госслужащих и лояльных власти имамов-фульбе [19, pp. 4-6; 9, p. 218].

Наконец, еще в 2015 г. при поддержке «Ансар ад-Дин» была сформирована катиба «Халид бен Валид», объединившая фульбе, малинке и *моси* из приграничных районов Буркина Фасо, Кот-д'Ивуара и Мали [20, p. 14; 3, pp. 39-40; 16, p. 4]. Сильно ослабленная в результате действий силовиков и ареста ее командира Сулеймана Кеита уже в 2016 г. - эта катиба продолжала совершать мелкие теракты, затем, по-видимому, слившись с «Ансар-уль ислам» [3, p. 19; 21, p. 3].

ИГБС: ОТ ГРУППИРОВКИ К АЛЬЯНСУ

Хотя Аднан Абу Валид Ас-Сахрауи (уроженец Западной Сахары Лебиб улд Али улд Саид улд Джумани, 1973-2021) провозгласил клятву верности лидеру ИГИЛ в мае 2015 г., только после серии нападений в сентябре-октябре на силовые структуры в Буркина Фасо и Нигере, он был официально признан 30 октября 2016 г. [23, pp. 26-28; 9, pp. 200-201; 24, p. 8]. На карте Африки появилась группировка «Исламское государство в Большой Сахаре» (ИГБС), хотя сами джихадисты не используют это наименование: в пресс-релизах ИГИЛ она упоминается только как подразделение «Западноафриканской провинции Исламского государства» (ЗАПИГ), в свою очередь отделившейся от нигерийской террористической организации «Боко Харам» [22, p. 9].

Первоначальный костяк ИГБС составили опытные моджахеды, воевавшие ранее в рядах МУДЖАО, среди которых было немало этнических фульбе [1, pp. 126-127; 14, p. 18; 25, p. 6]. Центром дислокации ИГБС стала пограничная область между Мали и Нигером, охватывающая южную Менаку и северное Тилабери, где кочуют фульбе-толебе [19, pp. 1-2; 24, pp. 8-11; 16, p. 9]. ИГБС осуществляет защиту интересов фульбе преимущественно именно этой кланово-кастовой структуры [3, p. 35; 9, pp. 209-210; 24, p. 3].

¹¹ “By day we fear the army, by night the jihadists”: Abuses by armed Islamists and security forces in Burkina Faso. New York: HRW, 2018.

¹² На языке *моси* - «лесные стражи».

Фульбе-толебе занимаются сезонным отгонным скотоводством и исторически испытывали конкуренцию за пастбища и источники воды, переросшую за последние 30 лет в кровопролитные конфликты: прежде всего из-за резкого демографического роста [26, pp. 24-25; 1, pp. 122-124; 25, p. 5]. *Толебе* оказались «зажаты» между хорошо вооруженными туарегами *имрад* и *дауссахак* на севере, не раз разграблявшими их стада, и *джерма*-сонгаи и *хауса* на юге, занимающими ранее «свободные» пастбища под земледелие. В Нигере на всех уровнях госструктур лучше представлены именно сонгаи и *хауса*; ограниченное административное представительство¹³ имеют лишь общины фульбе из кланово-кастовой структуры *водабе*, а *толебе* лишены даже его [24, pp. 3-9; 9, pp. 201-210; 1, p. 126].

Ситуация острой этноконкуренции за ресурсы и политическое влияние дает совершенно иную перспективу тому факту, что в ряды ИГБС вступает много фульбе-толебе [24, p. 3; 3, pp. 29, 35, 41]. Неслучайно его ключевыми противниками на коммунальном уровне стали те вооруженные группировки туарегов, которые являются традиционными конкурентами *толебе* в области Менака: «Группа самозащиты туарегов имрад и их союзников» (на фр. - *GATIA*), и «Движение за спасение Азавада» (*MSA*). Если *GATIA* отстаивает интересы *имрад*, то за громким названием *MSA* скрылись в основном *дауссахак* [25, p. 8; 9, pp. 201-203; 1, p. 127].

Однако было бы ошибкой отождествлять этнические общности с вооруженными группировками. В *GATIA* и *MSA* есть этнические фульбе, а среди командиров и комбатантов ИГБС важную роль играют туареги-*дауссахак* и арабы-*ламхар* [8, p. 15; 3, p. 39]¹⁴. Именно поэтому конфликты между *MSA* и ИГБС в 2017 г. привели к поражению первого: ряд кланов *дауссахак* вышли из его состава, не желая обострять отношения с Абу Валидом Ас-Сахрауи, а некоторые из них даже встали под его защиту [24, p. 15; 9, p. 204; 16, pp. 9-10].

Это произошло в контексте «контртеррористических» операций против ИГБС, которые *GATIA* и *MSA* проводили с лета 2017 г. при поддержке нигерских, малийских и французских сил [24, pp. 13-16; 25, p. 9]. На деле же, как в Мали, так и в Нигере, основной удар туарегов приняли на себя фульбе-толебе, а также те кланы *дауссахак*, которые не были связаны с *MSA*: это подтолкнуло и первых, и вторых искать протекции у джихадистов [25, pp. 9-10; 24, pp. 15, 17; 9, pp. 208, 213]. Начиная с 2019 г. жестокий нажим на население северного Тилабери стали оказывать сами нигерские силовики, в результате чего под защиту ИГБС встали отдельные кланы фульбе-*водабе* и даже некоторые общины этнических *джерма* [1, pp. 128, 130; 26, pp. 5, 17].

Действия *GATIA* и *MSA* вызвали перегруппировку среди джихадистов - на сторону ИГБС перешли две небольшие катибы, состоявшие ранее в рядах МУДЖАО: Султана улд Бади (катиба «*Салах-ад-дин*») и Абдуль-хакима ас-Сахрави. Хотя обе катибы дислоцировались в районе Гурмы, в них было немало фульбе-толебе, которые и поспешили на помощь своим кланам [26, p. 9; 16, p. 4]¹⁵.

Усилившись, ИГБС смогло нанести несколько ответных ударов. Широкое внимание привлекло нападение его моджахедов в октябре 2017 г. на международный патруль в нигерском поселении Тонго Тонго, отмеченное в видео-релизах ИГИЛ: погибли четверо американских «зеленых беретов», столько же нигерских военных и переводчик [24, pp. 8, 15; 26, p. 3; 9, p. 206]. В США разразился политический скандал, т.к. широкой публике не было известно, что американские военные принимают участие в боевых действиях в Центральном Сахеле [32].

Выявление комбатантов ИГБС до крайности затрудняет то, что его подразделения пользуются существенной автономией и дисперсно распределены в сельской местности, мобилизуясь (часто на мотоциклах) только для конкретных акций [26, p. 5; 22, p. 11; 1, pp. 127-128]. Вопреки неоднократным заявлениям *GATIA* и *MSA* в 2018 г. об уничтожении ИГБС, в следующем году последовали крупные нападения на военные базы в приграничной зоне Мали-Нигера, в результате которых погибло большое число военнослужащих: в мае - 28, в июле - 18, в ноябре - 53; в декабре - 71; в январе 2020 - 89 [26, pp. 13-14; 3, pp. 12-13; 25, pp. 1-2].

Одновременно ИГБС установило тесные контакты с фульбе, населяющими районы Буркина Фасо, приграничные с Нигером. В 2018-2019 гг. моджахедам удалось поставить здесь под свой контроль ряд открытых месторождений золота и привлечь на свою сторону общины фульбе, пострадавшие от деятельности золотодобывающих компаний [19, p. 7; 20, pp. 8-14; 14, p. 16; 9, p. 207]. В ответ власти Буркина Фасо обрушили на фульбе жестокие массовые репрессии, что имело тот же эффект, что и в Нигере: они стали искать защиты у джихадистов [3, p. 38; 20, pp. 21-23].

Росту популярности ИГБС среди населения служит несколько факторов. Как в Нигере, так и в Буркина Фасо, ИГБС ввело сбор «*закята*», превратив его в обязательный налог, однако при этом поддерживает

¹³ Речь идет о «*chefferies administratives*» - представительных органах самого низового уровня (небольших кочевых групп-кланов), все еще называемых «административные советы вождей» на колониальный манер.

¹⁴ Final report, 2018. The Panel of Experts established pursuant to Security Council resolution 2374 (2017) on Mali, S/2018/581. New York: UNSC. Pp. 17-20.

¹⁵ Final report, 2018... P. 18; *MENASTREAM*, 30.06.2018. <http://menastream.com/katiba-salaheddine-response-to-aggression/> (accessed 10.12.2021)

наиболее бедных граждан [24, pp. 11-12; 22, p. 10; 9, pp. 207-208]. Передвижные суды улемов ИГБС взяли на себя регулирование земельных споров, а разбойничьи нападения на стада стали пресекать [1, pp. 125, 129]. Глава одного из кланов фульбе в северном Тилабери так охарактеризовал ситуацию: «Джихадисты как бы заменили туарегов-рейдеров, которые годами разграбляли наши стада. Джихадисты приходят раз в год и берут одну из каждых 60 коз и овец и сверх того - одну корову из 30. Раньше это была *razzia*¹⁶ - забирали всё. У моего отца отняли всё, он был убит имрад в 2002-м. ... С людьми Абу Валида стало безопаснее...» [26, p. 6].

Важным шагом на пути роста международного влияния Абу Валида Ас-Сахрауи стало установление регулярных контактов с ЗАПИГ, а через нее и с ИГИЛ [26, p. 13; 24, p. 10]. В апреле 2019 г. лидер последнего Абу Бакр аль-Багдади подчеркнул роль Ас-Сахрауи в распространении джихада в Западной Африке [3, p. 22]. К этому времени моджахеды ИГБС уже обосновались как в северных районах Бенина, так и в центральной части пограничной зоны Нигера и Нигерии, где фульбе-толебе имеют исторические корни [3, pp. 40-42; 22, pp. 9-10].

ЛИДЕРЫ И СТРУКТУРА ДНИМ

В описанном выше контексте - возникновения новых группировок и сильных лидеров, расширения движения протеста и усиления репрессивных мер со стороны всех трех государств Центрального Сахеля - было объявлено 2 марта 2017 г. о создании нового альянса: «Движение защиты ислама и мусульман» (*Jamā'at Nuṣrat al-Islām wa-l-Muslimīn - JNIM*). Следуя традициям, ДНИМ принесло клятву верности не только А.Друкдалю (эмиру АКИМ), но и лидерам «Аль-Каиды» и афганского «Талибана» [27, p. 4; 28, p. 9].

Создание ДНИМ было тщательно спланировано: уже 14 марта А.Друкдаль признал его, а 19 марта последовало признание от «Аль-Каиды» [27, p. 4]. Альянс сразу же стал концентрировать основные свои удары на военных объектах, не снижая своей активности в последующем [29, pp. 12-13; 14, p. 8; 21, p. 5].

Сущность альянса - в союзе группировок «Ансар ад-Дин» Ийад аг Гали, провозглашенным эмиром ДНИМ, с двумя подразделениями АКИМ - «Сахарским эмиратом» и «Альморавидами». В официальном видео-релизе о создании ДНИМ было заявлено о союзе только этих 3 группировок, однако, помимо их лидеров, в нем также присутствовали Хаммадун Куффа (глава катибы «Масина») и Абу Абдурахман Али Ас-Санхаджи - марокканец Али Маишу [27, pp. 2, 4; 21, p. 3].

Х.Куффа был назначен заместителем эмира ДНИМ не только как глава самой большой катибы, но и как знаток ислама, а Ас-Санхаджи ранее исполнял важные функции исламского судьи (*кади*) в АКИМ [27, p. 2; 28, p. 9]. Именно такие лица, как Ас-Санхаджи, подготавливают *фетвы* и другие «авторитетные» заявления, издаваемые от имени «консультативного совета» (араб. - *маджлис аш-шур*) - основного органа управления во всех группировках, вошедших в ДНИМ [6, pp. 4-5; 23, pp. 25, 39].

«Сахарский эмират» в видео-релизе о создании ДНИМ представлял его лидер с 2012 г. Яхья Абу Аль-Хаммам, а «Альморавидов» - Хасан Аль-Ансари, он же малийский араб Мохамед улд Нуини (уб. 2018) [27, p. 2; 21, p. 3].

Отсутствие М.Бельмохтара возбудило подозрения, что он погиб в результате авиа-удара в ноябре 2016 г. в Ливии, однако заявления об этом ни от джихадистов, ни от Франции не последовало [23, pp. 49-50]. Свидетельство нигерского санитаря, ухаживавшего за раненым М.Бельмохтаром, заставляет предполагать, что он жив, но потерял способность передвигаться¹⁷.

После гибели Абу Аль-Хаммама в феврале 2019 г. «Сахарский эмират» возглавил Ас-Санхаджи (Али Маишу), но и он был вскоре убит [21, p. 3]¹⁸. Потеря наиболее близких и влиятельных соратников А.Друкдаля (эмира АКИМ) в Центральном Сахеле, вынудило его, наконец, посетить Северное Мали, где и он погиб в июне 2020 г. [28, p. 16].

Без громких публичных заявлений на правах катибы в ДНИМ вступили еще две группировки. Буркинийская «Ансар-уль ислам» и группировка туарега Альмансура аг Алькасума (катиба ААА/«Зерма»), дислоцированная в лесном массиве Зерма (район Гурмы). Последняя сыграла важную роль посредника между «Ансар-уль ислам» и «Ансар ад-Дин», так как в нее, помимо туарегов *имрад* и *имушар*, входят фульбе, воевавшие ранее в МУДЖАО. После гибели Альмансура в 2018 г. катибу «Зерма» возглавил Абу Джалиль аль-Фулани, т.е. этнический фульбе [20, pp. 11-12; 21, p. 3; 16, p. 4].

Мнение исследователей о характере ДНИМ существенно расходятся. Если ученые, связанные с военными исследовательскими центрами США, полагают, что это союз разнородных вооруженных группиро-

¹⁶ Это слово, происходящее от араб. «военный рейд» (غزوة), приобрело в сахельском контексте значение «бандитское нападение».

¹⁷ Belmokhtar, grièvement blessé mais toujours en vie. *Middle East Eye*, 13.12.2016. <https://www.middleeasteye.net/reportages/belmokhtar-gri-vement-bless-mais-toujours-en-vie-1484159733> (accessed 10.12.2021)

¹⁸ Final report, 2018... P. 21.

вок [21], то европейские исследователи указывают на прочные связи в рамках ДНИМ, имеющие потенциал дальнейшего развития (см., напр.: [28; 29]).

С нашей точки зрения, структура ДНИМ оптимальна. Основную ударную силу составляют небольшие, но сплоченные многолетним опытом подразделения моджахедов («Альморавиды» и «Сахарский эмират», катибы «Зерма» и «Юсуф ибн Ташфин»). Широкую социальную базу имеют крупные катибы «Масина» и «Ансар-уль ислам», объединяющие по принципу сети множество ячеек, в которых сражаются далеко не только джихадисты. Политическим ядром являются «Ансар ад-Дин». Наконец, Ийад аг Гали и Хаммадун Куффа - это люди с огромной харизмой и опытом, международными связями и финансовыми возможностями, влиянием и поддержкой в самых различных этносоциальных группах: элиты и вассалов *туарегов*, арабов *берабиш* и *ламхар*, скотоводов и марбутов *фульбе*.

СОПОСТАВЛЕНИЕ АЛЬЯНСОВ

Структура и взаимодействие с локальным населением альянсов ДНИМ и ИГБС выстроены на схожих принципах. Разрешение коммунальных споров, защиту этно-общин и акции устрашения осуществляют автономные отряды-ячейки - их отношения с населением разнообразны и не сводятся к одной модели [20, pp. 15-16; 9, pp. 160-161; 14, pp. 18-20]. В обоих альянсах широко используются посредники из среды местного населения - женщины, дети и начинающие рекруты, которые выполняют функции связных, проводников, информантов и подсобной рабочей силы [6, pp. 4-5; 17, pp. 3, 5].

Оба альянса смогли наладить реципрокное сотрудничество не только с определенными кланами, но и с теми, кого власти относят к бандитам, браконьерам и контрабандистам [22, pp. 6-13; 14, pp. 11-15; 5, pp. 38-39]. В контексте постоянных «контртеррористических» операций происходит смешение этих категорий как между собой, так и с термином «джихадисты» [4, p. 14; 22, p. 12; 3, pp. 26-27].

Уже давно крайнее недовольство местного населения вызывает коррупция охраняющих заповедники госслужащих, взыскивающих с местных жителей непомерные штрафы и налоги, в то время как западные туристы имеют во всем приоритет [22, p. 5; 20, pp. 6, 14; 2, pp. 10-11]. По словам традиционного охотника из Буркина Фасо: «Джихадисты разрешили нам охотиться без всяких ограничений и обещали защищать нас»; по словам другого: «С тех пор как эти группировки¹⁹ появились, мы можем охотиться спокойно. Многие из наших братьев и детей присоединяются к ним» [14, pp. 17-18].

В тяжелых эколого-экономических условиях Центрального Сахеля нелегальной трансграничной торговлей в той или иной степени заняты практически все слои населения. Не облагаемые налогом торговля (скотом, продовольствием, медикаментами, горючим и автотранспортом) и миграционные потоки являются единственным источником существования для широкого круга акторов. При этом далеко не все из них торгуют оружием и наркотиками, что требует сильной вооруженной протекции и опоры на родственные связи среди таможенников и военных [14, pp. 9-15; 18, pp. 27-30; 22, pp. 1-3].

В этой ситуации ДНИМ и ИГБС взяли на себя функции по защите «коммерсантов» из самых различных этнических групп, избегая спекуляций на этнические темы и придерживаясь эгалитарной риторики [19, p. 5; 25, p. 7; 16, pp. 6-10]. Например, Х.Куффа не раз призывал фульбе присоединяться к джихаду, но при этом подчеркивал, что «наша битва не за дело фульбе» (цит. по: [9, pp. 185-186]).

Однако сложившаяся ситуация привела к политической «этнизации» конфликта - во время «контртеррористических» операций силовые структуры трех стран Центрального Сахеля нередко рассматривают всех фульбе, имевших контакты с джихадистами или носящих оружие, как террористов [20, pp. 18-22; 1, pp. 122-124; 9, pp. 174-175].

Эта разрушительная для социальной ткани тенденция принижает вес религиозного фактора, не учитывает меж- и внутриобщинные антагонизмы и не может объяснить того, что в рядах ДНИМ уже сражаются *догоны*, *бамбара*, *сонгаи*, *моси* и представители других этнических групп [3, p. 39; 9, p. 190; 19, p. 5; 10, p. 28]. Об ошибочности отождествления вооруженных группировок с этническими общностями в случае ИГБС было сказано выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2016-2021 гг. социальные институты, импортированные в Центральный Сахель с Запада, подверглись сильной эрозии (хотя этот процесс шел и ранее), а их функции взяли на себя альянсы ДНИМ (Движение защиты ислама и мусульман) и ИГБС (Исламское государство в Большой Сахаре), более укорененные в локальных кланово-кастовых структурах, чем алжирская АКИМ, потерявшая связь со своим народом.

¹⁹ Имеются в виду катибы ДНИМ.

ДНИМ соединило в себе сложным образом социальное движение эгалитарного типа, ирредентизм и идеологию международного джихадизма; неприятие и террор против социальных институтов, созданных по западному образцу; протекцию населения и управление на основе исламского права. Со времени первой попытки введения шариата в Северном Мали в 2012 г. повстанцы многому научились: учитывать интересы и примирять различные слои общества; наказывать девиантное поведение своих собственных комбатантов, действуя строго в рамках исламского права; избегать неоправданных жертв среди мирного населения и излишнего ригоризма салафитских норм, учитывая африканские традиции.

Напротив, ИГБС не избегает жертв среди мирного населения, следуя в этом ИГИЛ. Его подразделения разбросаны на территории трех-четырех стран и связь между ними часто ослаблена. Хотя под протекцию ИГБС встали самые различные в этническом плане общины, его узкой социальной базой остаются преимущественно фульбе, причем из одной только кланово-кастовой структуры. Неспособность ИГБС преодолеть кланово-кастовые противоречия может оказаться главным препятствием на пути его экспансии. Усиление конкуренции с ДНИМ (подробнее см.: [7]), гибель в 2021 г. Ас-Сахрауи²⁰ и активная военная кампания Франции на территории Нигера, скорее всего, ослабят ИГБС.

Соотнося полученные выводы с ранее проведенными исследованиями (см.: [11]), можно заключить следующее.

Создание исламского государства путем джихада фульбе - феномен не только не новый для Западной Африки, а архетипичный; подавление его силой в случае ДНИМ будет иметь крайне негативные последствия. ДНИМ может сыграть ту же роль в истории Мали и Буркина Фасо, которую сыграло движение «Талибан» в Афганистане²¹.

Напротив, ИГБС - это, вопреки его названию, проявление в первую очередь сегментированного терроризма и только во вторую - повстанческого движения фульбе. Однако исключительно военный нажим на ИГБС без широкой социальной интеграции населения фульбе может привести только к тому, что его комбатанты будут переходить на сторону других группировок, как уже было в прошлом. Сложилась ситуация, при которой «миротворцы» международных контингентов воюют не столько с убежденными джихадистами, сколько с молодыми людьми, защищающими свои этнические общины.

Необходим поиск более гибких подходов в законодательстве на международном уровне. Ситуация в Центральном Сахеле быстро меняется - были устранены ведущие лидеры, признанные СБ ООН террористами: А.Друкдаль, М.Бельмохтар, Абу Аль-Хаммам, Али Ас-Санхаджи, М. улд Нуини и др. ДНИМ оказался в руках более умеренных и старших по возрасту лидеров: Йиада аг Гали и Хаммадуна Куффы. Именно с последними призывают вступить в диалог уже не один год ряд видных малийских политиков как высшего, так и регионального уровня (см.: [31; 6]).

Не пришло ли время задуматься о том, что официальное признание их «террористами» на уровне СБ ООН было не в интересах Республики Мали?

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Boàs M., Cissé A.W., Mahamane L. 2020. Explaining violence in Tillabéri: Insurgent appropriation of local grievances? *The International Spectator*. Vol. 55 (4). DOI: 10.1080/03932729.2020.1833567
2. Benjaminsen T.A., Ba B. 2018. Why do pastoralists in Mali join jihadist groups? A political ecological explanation. *The Journal of Peasant Studies*. DOI: 10.1080/03066150.2018.1474457
3. Pellerin M. 2019. Armed violence in the Sahara. Are we moving from jihadism to insurgency? Paris: IFRI.
4. Central Mali: An uprising in the making? 2016. *Crisis Group Africa Report*. № 238. Brussels: ICG.
5. Thiam A. 2017. Centre du Mali: Enjeux et dangers d'une crise négligée. Genève: CDH.
6. Speaking with the "bad guys": Toward dialogue with Central Mali's jihadists. 2019. *Crisis Group Africa Report*. № 276. Brussels: ICG.
7. Baldaro E., Diall Y.S. 2020. The end of the Sahelian exception: Al-Qaeda and Islamic State clash in Central Mali. *The International Spectator*. Vol. 55 (4). DOI: 10.1080/03932729.2020.1833566
8. Reversing Central Mali's descent into communal violence. 2020. *Crisis Group Africa Report*. № 293. Brussels: ICG.
9. Thurston A. 2020. Jihadists of North Africa and the Sahel: Local Politics and Rebel Groups. Cambridge: University Press.
10. Ursu A.E. 2018. Under the gun. Resource conflicts and embattled traditional authorities in Central Mali. The Hague: NIIRC.
11. Пonomarev И.В. (отв. ред.). Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Том 4. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог. М.: ИАФР РАН, 2020.
Ponomarev I.V. (ed.). 2020. Radical Islamic movements on the global political map. Vol. 4. The Sahara-Sahel zone and the African Horn. Moscow. (In Russ.)

²⁰ French troops kill leader of Islamic State group in Sahel, Macron says. *France24*, 16.09.2021. <https://www.france24.com/en/africa/20210915-french-troops-neutralise-leader-of-islamic-state-in-the-greater-sahara-macron-says> (accessed 10.12.2021)

²¹ Сопоставление ситуации в Центральной Азии и Центральном Сахеле должно учитывать существенные различия этих двух регионов (см.: [30]).

12. Jourde C., Brossier M., Cissé M.G. 2019. Prédation et violence au Mali: élites statutaires peules et logiques de domination dans la région de Mopti. *Revue canadienne des études africaines*. DOI: 10.1080/00083968.2019.1666016
13. Tobie A. 2017. Central Mali: violence, local perspectives and diverging narratives. *Insights on Peace and Security*. № 5. Stockholm: SIPRI.
14. Assanvo W. et al. 2019. Violent extremism, organized crime and local conflicts in Liptako-Gourma. *West Africa Report*. № 26. Pretoria: ISS.
15. Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период первый: 2007-2015. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 11, с. 39-45. DOI: 10.31857/S032150750017391-2
Ponomarev I.V. 2021. Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The first stage: 2007-2015. *Asia and Africa today*. № 11, pp. 39-45 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017391-2
16. Sandor A., Campana A. 2019. Les groupes djihadistes au Mali, entre violence, recherche de légitimité et politiques locales. *Revue canadienne des études africaines*. DOI: 10.1080/00083968.2019.1667838
17. Théroux-Bénoni L.-A. et al. 2016. Mali's young 'jihadists'. Fuelled by faith or circumstance? *Policy Brief*. № 89. Pretoria: ISS.
18. Osland K.M., Erstad H.U. 2020. The fragility dilemma and divergent security complexes in the Sahel. *The International Spectator*. Vol. 55 (4). DOI: 10.1080/03932729.2020.1833474
19. The social roots of jihadist violence in Burkina Faso's North. 2017. *Crisis Group Africa Report*. № 254. Brussels: ICG.
20. Burkina Faso: Stopping the spiral of violence. 2020. *Crisis Group Africa Report*. № 287. Brussels: ICG.
21. Eizenga D., Williams W. 2020. The puzzle of JNIM and militant Islamist groups in the Sahel. *Africa Security Brief*. № 38. Washington: ACSS.
22. South-western Niger: Preventing a new insurrection. 2021. *Crisis Group Africa Report*. № 301. Brussels: ICG.
23. Mémier M. 2017. AQMI et Al-Mourabitoun: le djihad sahélien réunifié? Paris: IFRI.
24. Frontière Niger-Mali: Mettre l'outil militaire au service d'une approche politique. 2018. *Rapport Afrique de Crisis Group*. № 261. Bruxelles: ICG.
25. Raineri L. 2020. Explaining the rise of jihadism in Africa: The crucial case of the Islamic State of the Greater Sahara. *Terrorism and Political Violence*. DOI: 10.1080/09546553.2020.1828078
26. Sidelining the Islamic State in Niger's Tillabery. 2020. *Crisis Group Africa Report*. № 289. Brussels: ICG.
27. Galán S.A. 2018. Jamā'at Nuṣrat al-Islām wa-l-Muslimīn: A propaganda analysis of al-Qaeda's project for the Sahel. Madrid: ERI.
28. Henningsen T.B. 2021. The crafting of alliance cohesion among insurgents: The case of al-Qaeda affiliated groups in the Sahel region. *Contemporary Security Policy*. DOI: 10.1080/13523260.2021.1876455
29. Pollichieni L. 2021. A case of violent corruption: JNIM's insurgency in Mali (2017-2019). *Small Wars & Insurgencies*. DOI: 10.1080/09592318.2021.1902630
30. Malejacq R., A. Sandor 2020. Sahelistan? Military intervention and patronage politics in Afghanistan and Mali. *Civil Wars*. DOI: 10.1080/13698249.2020.1813405
31. Bouhlef F. 2020. (Ne pas) dialoguer avec les groupes «jihadistes» au Mali? Entre contradictions normatives, «manqués» de la médiation... et nécessité heuristique. Berlin: FB.
32. Maclean R. Niger Islamic State hostage: 'They want to kill foreign soldiers'. *The Guardian*, 05.06.2018. <https://the-guardian.com/world/2018/jun/05/hostage-niger-islamic-state-group-they-want-to-kill-foreign-soldiers/> (accessed 10.12.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пономарев Илья Вячеславович, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Iliya V. Ponomarev, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Civilization and Regional Studies of Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 02.12.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.01.2022

Принята к публикации
(Accepted) 29.01.2022